

АНДРЕЙ ДОБРОВ

УЖИН
МЕРТВЕЦОВ

Гиляровский и Тестов

Андрей Станиславович Добров
Ужин мертвецов.
Гиляровский и Тестов
Серия «Владимир
Гиляровский», книга 5
Серия «Преступления старой
Москвы. Исторические
детективы Андрея Доброва»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7534215

Ужин мертвецов. Гиляровский и Тестов/ Андрей Добров: Эксмо;

Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92518-6

Аннотация

В Москве, в Купеческом клубе, во время ужина отравили коннозаводчика Столярова, и «король репортеров» Владимир Гиляровский берется сделать об этом репортаж-расследование. Очень быстро выясняется, что Столярова отравили чистым морфином. Но столь редкий препарат непросто достать – он производится лишь лабораторным путем, а значит,

купить его можно только у специалиста. Вскоре находится и специалист – аптекарь, который ужинал вместе с убитым. Весьма подозрительный тип! Как и два других приятеля Столярова, делившие с ним трапезу в его последний вечер. Но ведь к подозреваемым можно отнести и повара заведения, и даже самого хозяина, знаменитого ресторатора Тестова! И все же круг предположительных убийц стремительно начинает сужаться, когда за первой смертью последовала вторая, а за ней третья, четвертая и пятая...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Андрей Добров

Ужин мертвецов.

Гиляровский и Тестов

Предисловие

Я твердо уверен в том, что самые страшные преступления должны совершаться в ноябре. Ноябрь – лучшее время для кровавых и загадочных убийств. Или не кровавых, но все равно загадочных. И, несомненно, мрачных. Ноябрь – время тьмы, холода и смерти, не правда ли, дорогие читатели? Так что садитесь поудобнее в кресло, укутывайтесь в плед, ставьте перед собой кружку с горячим чаем и отправляйтесь вслед за мной в мрачный и промозглый ноябрь 1902 года.

Но только ради всего святого – проследите, чтобы во время чтения никто, кроме вас, не прикасался к этой чашке чая!

И, конечно же, все события и персонажи выдуманы и не имеют никакого отношения к реально жившим людям.

Глава 1

Мертвец в Купеческом клубе

Город промок и продрог насквозь. Бульжники мостовой были покрыты тонким слоем мокрой грязи, штукатурка стен потемнела от влаги непрекращающихся осенних дождей, молотивших по жестяным подоконникам и крышам. Из печных труб дым поднимался к нависшим совсем близко тучам, сливаясь с ними. Весь город пропах угольной пылью, деревянной сыростью и прелой одеждой. Свет в квартирах почти не выключали – солнце даже днем не появлялось из-за туч, отчего Москва уже третью неделю была погружена в ноябрьские сумерки.

– Я рассчитала кухарку. Ты все равно на нее жаловался, – сказала Маша, наливая мне кофе.

– Тебе посоветовали другую? – спросил я, еще не чуя подвоха.

– Нет, Гиляй.

– А кто будет готовить? – пробормотал я, не отрываясь от «Ведомостей». Я читал колонку происшествий, а именно заметку следующего содержания:

«Вчера вечером в Купеческом клубе на Большой Дмитровке, 17, прямо во время ужина скончался коннозаводчик

Столяров П. И. После подачи белуги в рассоле коммерсант неожиданно почувствовал себя плохо и с сильным сердцебиением намеревался покинуть клуб...»

Но Маша не унималась:

– Сама.

– Сама? Что?

– Сама буду готовить.

– Ты?

Маша поставила кофейник на стол и уперла руки в бока.

– Гиляй! Ты считаешь, что я плохо готовлю? – спросила она с угрозой.

Я кротко поднял глаза.

– Что ты! Я считаю, что ты отлично готовишь! Просто это утомительно. К нам приходят гости...

Так что там случилось с коннозаводчиком Столяровым?

«...Однако в гардеробной ему стало плохо и после непродолжительной агонии, сопровождаемой судорогами, он скончался. На место происшествия был вызван пристав Тверской части и полицейский врач. Была установлена предварительная причина смерти – сердечный удар. Умерший был завсегдаем Купеческого клуба, в котором состоял более пятнадцати лет, и всегда отличался неумеренным аппетитом, впрочем, как и многие члены этого клуба».

– К нам приходят дикие орды, а не гости. И они съедят все, что им подсунешь между двумя бутылками, – сказала Маша.

– Да-да, конечно. Горький, Шаляпин, Качалов – это варвары. Но я-то?

– Именно о тебе и речь. Ты когда в последний раз смотрел в зеркало?

Такой поворот разговора меня сильно озадачил.

– Утром.

– Гиляй! Я, конечно, буду любить тебя в любых объемах, но разве тебе самому не тяжело таскать такое количество лишнего веса?

– Лишнего? – удивился я. – Чем тебе не нравится мой вес?

– Он тебе мешает. Ты даже по лестнице на третий этаж поднимаешься с одышкой.

Я отложил газету.

– Послушай, Машка, ты когда-нибудь видела худого слона? Нет? А худого медведя? Худого кабана? В природе худоба – признак болезни. Взрослые животные должны быть упитанны.

– Сам придумал? – язвительно спросила Маша.

– А хоть бы и не сам! Но ведь верно сказано, а?

– Нет, не верно. Не знаю, как там у слонов, а у тебя с сегодняшнего вечера будет полезное питание. По последним медицинским справочникам и книгам.

И тут у меня возникло страшное подозрение.

– А что у нас на ужин? – спросил я.

– Ничего! Сегодня ужина не будет. Уже слишком поздно. Пей кофе. Это все на сегодня.

Так! Я поставил чашку и встал.

– Ты куда?

– Пойду прогуляюсь перед сном. Чтобы забить сосущее чувство голода.

Я грузно метнулся в прихожую, надел папаху, схватил в охапку пальто и шарф и зайцем метнулся на лестницу. Вдогонку мне раздалось:

– И не смей жрать в городе, Гиляй! Имей совесть!

Увы, я собирался сделать именно это – поскольку дома ужин мне не светил, я подумал, что неплохо было бы перекусить где-нибудь на стороне. И раз уж в Купеческом клубе кормили на убой – как следовало из прочитанной заметки, не пойти ли туда, тем более что достаточно просто подняться по Большой Дмитровке в сторону Страстного монастыря. Заодно послушаю и подробности происшествия.

Погода даже для короткой прогулки была неподходящей – темень, холодный ветер. Удивительно, как московские улицы, такие жаркие и ленивые летом, в ноябре вдруг становились чужими и равнодушными, как будто камни мостовой и самих домов, летом теплые и чистые, теперь поворачивались другой стороной – зябкой и грязной. Я быстрым шагом дошел до огромного особняка Купеческого клуба, окна которого светились желтым электрическим светом, и швейцар в уже зимней ливрее открыл передо мной тяжелую дверь.

В просторной гардеробной я обратил внимание на пусто-

ту – шуб и пальто почти не было, а дородный гардеробщик дремал на табуретке в углу, уронив на колени газету. Я разбудил его, сдал свое пальто и папаху, получил латунный номерок и по широкой мраморной лестнице поднялся наверх, в столовую клуба. В большой столовой народу обычно было много, в воздухе висел сигарный дым, вечером бывали здесь и концерты, пел русский хор из «Яра» или цыганский – из трактира Тестова. Но только не сегодня. В столовой было необычайно тихо. На кожаном диване около большого каминна шептались о чем-то двое господ. Столы, стоявшие буквой «П» вокруг огромного персидского ковра, пустовали. Только один официант торчал слева у двери, ведущей на кухню. При моем появлении он даже не встрепенулся. Удивляясь тишине и запустению, я сел за один из столов и подозвал официанта.

– Что это? – спросил я его. – Отчего такая пустота, куда все подевались?

Официант сделал каменное лицо, пожал плечами и ответил:

– Не могу знать-с.

– А что сегодня на ужин? – спросил я.

Официант замялся, потом нагнулся поближе к моему уху и прошептал:

– Ничего-с.

– Как это ничего? – удивился я.

– Шеф-повар в полиции объяснение дает после вчераш-

него, – тихо пояснил официант. – Кухня опечатана господами сыщиками.

– Но, может, хоть холодные закуски есть? – спросил я.

– Как же-с, имеются, – ответил официант. – Холодный ветчины с хреном могу подать, рыбки красной, белужки, селедочки с картошкой, сегодня все просто, без изысков.

– А что же вчера такого случилось? – спросил я. – Разве посетитель ваш умер не своей смертью?

– Не могу знать-с, – ответил официант. – Следствие ведется. Повара вот забрали. А повар-то – Михаил Иванович! Тестовский!

– Из ресторана Тестова?

– Он-с.

– Ну что же, – задумчиво сказал я, – неси хоть и ветчину. Да хрена побольше. Да грибков каких-нибудь принеси, да икорки, если осталось. И водочки рюмку не забудь.

– Сей момент! – ответил официант и исчез.

Через пять минут передо мной на белоснежной скатерти появился хрустальный графинчик водки и большая тарелка с нежно-розовой ветчиной. Крупнозернистую икру подали в креманке, на толченом льду с завитками масла. Грибы же – по отдельности, там были и превосходной засолки белые, специально привезенные из-под Омска, и грузди – черные и белые, хрустящие, как тонкие льдинки.

Я ел и поглядывал на ту пару, что тихо шушукалась на диване в углу. Один был – экономайзер клуба Веретенников, пре-

емник недавно почившего Николая Агафоныча. А второго заслоняли широкие листья пальмы в кадке на полу. Он сидел полубоком, и я видел только черное плечо, затылок с лысиной, окруженной седыми, хорошо подстриженными волосами, и кусок седой же бороды. Наконец Веретенников встал и протянул руку для прощания. Встал и его визави, наконец повернувшись ко мне в фас. Так вот это кто! Иван Яковлевич Тестов – собственной персоной! А разговор наверняка шел о вчерашних событиях.

Веретенников попрощался с Тестовым и пошел на кухню, а знаменитый ресторатор направился к двери столовой, вероятно, на выход. Но я бросил недоеденный окорок, вскочил, с шумом отодвигая стул, и перехватил Тестова у самых дверей:

– Иван Яковлевич! Погодите!

Тестов остановился и бросил в мою сторону хмурый взгляд. Вспомнит или нет? – подумал я. Но, вероятно, он вспомнил, потому что брови его вернулись в обычное положение и в мою сторону был сделан короткий кивок.

– Господин Гиляровский? – спросил Тестов, когда я подошел. – Если не ошибаюсь, Владимир?..

– Алексеевич, – dokonчил я. – Вот, зашел поужинать, а мне говорят, горячего нет и не будет, потому как повар ваш дает показания в полиции.

Тестов помрачнел – ему явно было не по нраву, что я вот так с ходу взял быка за рога и вторгся в его дела.

– Это недоразумение, – сказал он официальным тоном. – Михаила Ивановича опрашивают как свидетеля.

Кроме того, что мне несколько минут назад разболтал официант, я ничего не знал о произошедшем, но Тестову-то это было невдомек! И я решил схитрить.

– Разве не его подозревают в отравлении? – спросил я невинно. – Поверьте, Иван Яковлевич, лично я совершенно уверен в том, что ваш повар ни в чем не виноват. Ведь это повар из вашего ресторана, а все мы знаем, как вы организовали дело и каких поваров держите! И какое качество продукта идет на ваши яства, Иван Яковлевич, – это всем хорошо известно! Так что случайное отравление гнилым корешком я отмечаю сразу. Но тогда получается, что Столярова, коннозаводчика, отравили намеренно. По какой-то пока неизвестной причине. И понятно, что полиция в первую голову подозревает повара. Вашего Михаила Ивановича.

Тестов молча смотрел на меня, не отвечая.

– Повар может оказаться совершенно ни при чем, – продолжал я. – Но уже сам факт того, что его допрашивали в полиции по делу об отравлении...

Я внимательно посмотрел на ресторатора. Мало ли что болтал официант, поэтому я специально несколько раз намекнул в своем монологе на криминальный характер события, и ни разу Тестов меня не поправил. Значит, купца действительно отравили. Он не умер от апоплексического удара, не подавился косточкой – то есть умер неестественной

смертью.

– И что? – спросил наконец Тестов, ожидая, что я продолжу фразу. – Что вы так на меня смотрите, Владимир?..

– Алексеевич.

– Я помню, – ровно сказал ресторатор. – Владимир Алексеевич. Ну, допрашивали. Ну и что?

Я пожал плечами.

Тестов нахмурился, и лицо его сделалось вдруг жестким. Теперь он совсем не походил на того человека, каким я привык видеть его раньше, когда он на минуту показывался в одном из двух залов своего ресторана.

– Уж не предупреждаете ли вы, Владимир Алексеевич, что собираетесь написать материал в газету и выставить меня в невыгодном свете? Сделать несколько гнусных намеков на возможную виновность моего повара? В какую игру вы играете, господин Гиляровский?

Я тоже отбросил вежливость:

– Какую статью я напишу, это решать мне, Иван Яковлевич. Однако до сих пор я обманывать читателя не приучился. Так что если и напишу, то – правду.

– Какую правду? – спросил Тестов. – Что вам такое известно?

– Не скажу. Но что известно – то уж мое!

Ресторатор фыркнул и огляделся по сторонам.

– Бог вам судья, Гиляровский, не знаю, что вы вдруг на меня надели! – произнес он раздосадованно. – У меня и без

вас хлопот – полон рот. Что вам надо?

– Вы были вчера здесь? – спросил я мягче.

– Приехал к разбору шапок. Меня вызвал Веретенников, когда появилась полиция и захотела увезти повара с собой. Он упросил следователя подождать, пока я не приеду и не узнаю сам о судьбе своего человека.

– Следователь вам назвался?

– Да. Некто Архипов.

Какая удача! Оказывается, дело попало к моему старому знакомому, следователю Сыскного отдела Захару Борисовичу Архипову!

– Вы знаете его, Гиляровский? – спросил Тестов.

– Знаю.

Он удивленно взглянул на меня:

– И каков же он?

– Вам повезло, Иван Яковлевич, – ответил я. – Если делом занимается Архипов, то это... это хорошо. Архипов умен, наблюдателен, и... он человек.

– «Он человек»... – пробормотал Тестов, чуть ссутулившись, как будто позволив себе расслабить скованные напряжением плечи. – То есть он не бездушная машина?

– Нет.

Ресторатор кивнул:

– Это хорошо. А как давно вы его знаете?

– Пару раз даже приходилось попадать с ним в переделки.

– У вас дружеские отношения?

Я аж крякнул от вопроса. На самом деле нас с Архиповым действительно связывали почти дружеские отношения. Почти. Но ни он, ни я старались не выносить эти отношения на чужой суд, потому что в его окружении, как и в моем, эта дружба выглядела бы не только странной, но и предосудительной.

– Ну... – осторожно сказал я, – назовем это доверительными рабочими отношениями.

Тестов насмешливо посмотрел на меня, и я вдруг подумал, что мой ответ можно расценить как определенное признание.

– Ох, нет, Иван Яковлевич! Если вы только подумали, что я сотрудничаю с полицией, то уже нанесли мне оскорбление.

– Я ничего такого не подумал, – спокойно ответил Тестов.

– И хорошо, что не подумали. На самом деле я консультировался у Архипова по нескольким запутанным преступлениям, а один раз даже участвовал с ним в задержании опасного преступника. С погоней, стрельбой и так далее.

Тестов кивнул. Он явно обдумывал какую-то важную мысль. И я даже понимал, о чем он думает. Мне следовало только подтолкнуть его к решению.

– Я, безусловно, завтра же утром съезжу в Малый Гнездиковский перулок, к Захару Борисовичу, и попрошу рассказать мне подробности дела, если, конечно, это не будет противоречить интересам следствия. Впрочем, вероятно, вашего повара уже выпустят к тому времени, и вы все узнаете

от него.

Тестов кивнул. Ну же, подумал я, давай, Иван Яковлевич, тебе ведь тоже должно быть интересно, что там думает следователь? Ну попроси меня затем приехать к тебе и поделиться услышанным! Цепляйся на крючок, дорогой мой Тестов, чует мое сердце, мы скоро станем свидетелями интересной истории!

Иван Яковлевич молча протянул мне свою сухую руку с ухоженными ногтями, пожал мою, протянутую в ответ, кивнул и вышел из столовой.

Ах же ты, старый черт! Ну, ничего, еще не вечер!

Впрочем, вечер действительно уже перешел в ночь, и мне было пора возвращаться домой. Я взял салфетку и тщательно вытер губы – чтобы от меня не пахло окороком. А потом сжевал еще и веточку петрушки, чтобы окончательно отбить запах.

Если уж и голодать, то на полный желудок!

Оглянувшись, я увидел давешнего официанта, который снова торчал у двери в кухню, явно борясь с дремотой, и, подзвав его, попросил счет. Расплатившись, я спросил, где тут телефон. Официант проводил меня в специальную комнату, где на чайном столике стоял аппарат, и вышел, тихо притворив дверь. Я уселся в уютное кресло, снял рожок и несколько раз нажал на рычаг. Наконец в раструбе послышался голос телефонистки. Я попросил междугородний звонок и назвал петербургский номер Александра Валентиновича Амфите-

атрова, главного редактора газеты «Россия», в которой заведовал московским отделом. Наконец телефон ответил голосом Амфитеатрова.

– Александр Валентинович! – громко сказал я. – Вы ведь еще не спите?

– Нет, – ответили из аппарата. – Кто это?

– Это Гиляровский.

– Здравствуйте, Владимир Алексеевич. Что-то случилось?

– Я сейчас в Купеческом клубе. Похоже, вчера тут произошло убийство.

Амфитеатров немного помолчал.

– Это вы про вчерашний случай? – спросил он наконец.

– Именно!

– Разве он умер не своей смертью?

– Определенно нет!

– Интересно.

– Похоже, что его отравили, – сказал я, доставая из кармана отцовскую табакерку и помещая ее перед собой на столик.

– Кто? – спросил Амфитеатров.

– А вот это вопрос!

– Решили тряхнуть стариной?

Я открыл крышку табакерки и захватил щепоть табаку.

– Не такой уж я и старый, Александр Валентинович.

– Понятно. Что же, интересно. Будете писать материал? – задал он вопрос.

– Сначала посмотрю, что к чему. Полиция задержала повара из ресторана Тестова. Я только что говорил с Иваном Яковлевичем, – ответил я.

– И что он?

– Молчит, – признался я.

– Хорошо, – наконец отозвался главный редактор. – Полполосы могу за вами зарезервировать. Сейчас пятница. Когда сможете написать?

– Не знаю, – честно признал я. – Как пойдет.

– Предупредите меня сильно заранее, – попросил Амфи-театров. – Полполосы еще надо будет выкроить.

– Хорошо. Прощайте! – сказал я и нажал на рычаг, давая телефонистке сигнал разъединить нас.

Все, теперь – домой!

Глава 2

Химический опыт

Утром Маша подала мне яйцо и стакан чая на завтрак. Я долго разглядывал яйцо, потом взял серебряную ложечку, повертел ее в пальцах и положил обратно на скатерть.

– Ешь, Гиляй, ешь, – подбодрила меня жена. – И питательно, и для желудка нетяжело.

– Да ты издеваешься надо мной! – проворчал я. – Разве одним яйцом наешься? Подай хоть мяска, колбасок, буженины... Что там у нас есть?

Маша молчала.

– Хоть сыра кусок!

Никакого ответа.

– Хоть хлеба дай!

– Гиляровский! – твердо сказала Маша. – Вот скажи, ты сильный человек?

Я жалостливо посмотрел на нее и ткнул пальцем в серебряный прибор:

– Если будешь меня так кормить, я скоро ноги перестану волочить.

– А если ты будешь тайком нажираться по ресторанам, как вчера, то скоро со стула подняться не сможешь!

– Откуда ты знаешь? – удивился я, помня, какие меры

предосторожности применял, чтобы супруга меня не раскусила.

– О, брось, Гиляй, как будто я тебя не знаю! Ты, когда голодный, злой как черт. И спишь плохо. А вчера как лег, тут же и заснул. Да еще и мурлыкал как кот.

Я аж крякнул:

– Да что ты врешь, Машка! Как это я мурлыкал? Чтобы ты знала, я вчера ездил на место преступления! И получил добро от Амфитеатрова на полполосы!

– И где же это место преступления? – спросила Маша.

– В Купеческом... – Тут я осекся, но было поздно.

– Ага! – торжествующе крикнула Мария Ивановна. – Ну, Гиляй, договаривай! В Купеческом клубе небось? Послушай, Володя, я хочу серьезно с тобой поговорить...

В столовую робко заглянул Коля, юный секретарь шестнадцати лет, которого я взял из посудомоек ресторана «Крым».

– Коля! – повернулся я к нему. – Выгляни в окошко, посмотри, Иван там? Мне надо срочно уезжать!

– погоди, я не договорила! – заупрямилась Маша, чувствуя, что я собираюсь ускользнуть с ее лекции по здоровому питанию.

– И очень хорошо, что у нас сегодня нет завтрака, – радостно сообщил я ей. – Это очень кстати.

– Как это нет? А яйцо?

– Потому что я отправляюсь в морг, к Павлу Семеновичу Зиновьеву! На пустой желудок оно как-то поспособней!

Снова появилась голова Коли.

– Ваш Иван ждет, – сообщил он. – На месте.

– Ах ты... – только и сказала Маша.

Я схватил яйцо и сунул его в карман пиджака:

– Водовозу отдам.

Водовозом я называл своего личного извозчика Ивана.

Это прозвище я дал ему в память о давнем соревновании, когда Иван на спор пытался провезти не расплескав стакан с водой по всей Тверской, что ему не удалось. Зато это был самый быстрый извозчик на Москве – парень вполне мог бы стать лихачом и увозить к загородным ресторанам молодых купцов с их пассиями, но попал ко мне и остался на службе. Я оплачивал его ежемесячный пай в артели, давал сверху, а еще часто отпускал в свободный извоз. Зато по моему первому слову Иван тут же объявлялся и доставлял в требуемое место буквально в момент, часто нарушая недавно введенные правила дорожного движения.

Надев в прихожей пальто, папаху и галоши, я обмотал шею длинным шарфом и спустился вниз.

На улице я моментально продрог от ветра. Вот что значит выходить из дома на пустой желудок!

– На! – сунул я яйцо Ивану. – Марья Ивановна угощает.

– Благодарствуйте! – ответил Водовоз. – Куда поедем,

Владимир Алексеевич?

– В Тверскую часть, в морг.

– Недалеко, – отозвался мой извозчик. – Сей момент будем.

Под кожаным верхом было ненамного теплей. Я даже пожалел, что у Ивана в пролетке нет положенного полога, чтобы укрывать ноги. Вообще-то такие пологи полагались в каждой пролетке, и городовые строго за этим следили, но я выпросил у городской полиции особое право моему Ивану ездить без полога, чтобы мне было сподручней выпрыгивать из пролетки, когда дела требовали срочности. Но за скорость приходилось платить удобством.

Мы быстро докатили до Тверской части, над которой возвышалась каланча – Иван указал кнутом на самый ее верх с двумя изогнутыми коромыслами, на которые во время пожара вывешивали шары, указывающие где и насколько сильно горит.

– Небось мерзнет служивый, крыша-то есть, а с боков продувает! Каково ему там!

И правда, пожарный на каланче был открыт всем ветрам, а согреться глотком водки не мог – ему было строжайше запрещено.

– Ваня, ты меня здесь высади, а сам поезжай к задней части и жди там. Отсюда тебя городской погонит.

– Уж знаю, не беспокойтесь, Владимир Алексеевич, – ответил Водовоз, подождал, пока я слезу, и дал вожжей своей резвой кобыле.

Я вошел в здание морга, поднялся на второй этаж по лест-

нице – широкой настолько, чтобы носилки с покойным могли развернуться в пролете, – толкнул выкрашенную белой краской дверь и попал в коридор, из которого можно было попасть в несколько больших комнат, отделанных пожелтевшей от времени плиткой. Пришлось сразу вытащить платок и прижать его к носу – специфический запах карболки и разлагающихся тел был так силен, что с непривычки мог сбить с ног. Из левой комнаты, где располагалась помывочная, вышел человек в белом халате и длинном, почти до пола черном кожаном фартуке. На голове – шапочка, а на лице – марлевая повязка, так что узнать его было положительно невозможно. В руке он держал резиновый шланг, из которого тонкой струйкой стекала вода. Я помнил, что у доктора Зиновьева, полицейского патологоанатома, был помощник по фамилии Байсаров. Но тот был здоровенным детиной, халат на нем сидел как матросский бушлат на бегемоте. А этот служитель морга показался мне роста невысокого, а телосложения даже изящного.

– Вам кого? – спросил он меня на удивление мелодичным голосом. И я подумал, что это юноша-студент из медицинского, проходящий практику.

– Павел Семенович здесь?

– Нет. Уехал.

– А когда вернется?

– Скоро.

– Могу я его подождать?

Служитель пожал плечами.

– Я знаю, где его кабинет. Посижу там. Обещаю ничего не трогать!

Пройдя мимо помывочной, я дошел до конца коридора и открыл дверь. Кабинет доктора Зиновьева был обставлен бедно, но практично.

А ведь и правда, хорошо, что не позавтракал, подумал я. Хотя на турецкой войне я и привык к запаху смерти, с того момента прошло много лет, да и не часто мне приходилось сталкиваться с таким густым запахом смерти, какой был в полицейском морге!

Хотя в морге поддерживалась холодная температура, во избежание гниения тел, в кабинете было намного теплее. Однако пальто я не снял, и поэтому скоро начал задремывать. Но тут послышались энергичные шаги и голос Павла Семеновича:

– Так-так-так! И что это за Орфей спустился в наше царство мертвых?

– Скорее поднялся! Вы же на втором этаже! – ответил я громко, вставая с дивана.

Зиновьев, хохотнув, вошел в кабинет, крепко пожал мне руку и, сняв свое пальто, повесил его на вешалку в углу.

– Владимир Алексеевич! – бодро сказал он. – Какими судьбами? Опять расследуете какое-нибудь кошмарное убийство? Уж не купца ли Столярова?

– Точно его! Откуда знаете?

– А в последнее время к нам ничего интереснее этого не поступало! Ну-с, – потер он ладони, – сперва чаю, потом мертвецы? Или сначала мертвецы, а потом чай?

– Давайте сначала мертвеца.

Зиновьев кивнул, подошел к шкафу и открыл ключом дверцы. Потом указал на полку с банками:

– Вот он.

– Кто? – удивился я.

– Коннозаводчик Столяров! Правда, он здесь не целиком. Это, – он указал на одну из банок, – желудок, это – печень, тут – часть кишечника, а здесь – содержимое желудка.

Я чуть не поперхнулся, но потом пригляделся к содержимому банок и расслабился.

– Павел Семенович! Ну что вы мне «колокол льете»? В этих банках какая-то мутная водица, причем во всех одинаковая.

– Это не просто водица, Владимир Алексеевич, – ответил Зиновьев, вынимая одну из банок, – это результат процесса обработки. Эта мутная водица поможет нам ответить на вопрос, чем именно отравили уважаемого купца.

– А его точно отравили? – спросил я.

Зиновьев кивнул:

– Отравили. Но вот чем? Это интересно. Понимаете ли, узнав отравляющее вещество, мы можем тут же сузить круг подозреваемых. А часто и определить мотив убийства. Впрочем, это не мое дело – строить версии. Этим пусть занима-

ются сыщики. А я должен дать им факты. Ну что, пойдём посмотрим на тело? – Он сунул одну из баночек в карман халата.

– Пойдем.

Мы прошли по коридору и свернули в небольшой зал направо. Зиновьев щелкнул вторым выключателем, добавив света, и провел меня к столу, на котором под большой мятой простыней лежал кто-то грузный, с большим животом. Простыня соскользнула с правой ступни, обнажив плоские пальцы ноги с толстыми неопрятными ногтями и желтыми мозолями. Доктор встал у изголовья и ловким движением открыл голову мертвеца.

– Вуаля! Знакомьтесь!

Я встал рядом с Зиновьевым. Столяров при жизни был обладателем мясистого носа, коротко стриженных русых с сединой волос и аккуратной бородки клинышком. Как ни старался, я не мог вспомнить его лица – вероятно, мы с ним никогда раньше не встречались.

– Итак! – начал свою лекцию доктор Зиновьев. – Почему я утверждаю, что его отравили? Потому что он умер! Я убедился в этом, вскрыв грудную клетку и вырвав ему сердце.

Зиновьев хитро посмотрел на меня, ожидая реакции, но я был уже хорошо знаком с его странной манерой шутить, так что не отреагировал.

– Павел Семенович! – сказал я. – Когда же вы повзрослеете?

Он ухмыльнулся в черную бороду и похлопал себя по лысине:

– Когда вот тут снова вырастут волосы, Владимир Алексеевич!

Я махнул рукой.

– Ну ладно, если серьезно, поступил он уже мертвым. С сопроводительной запиской нашего с вами старого знакомого Архипова Захара Борисовича. Он не смог меня найти и поэтому пригласил на осмотр места происшествия другого полицейского медика. Тот и зафиксировал смерть от отравления неизвестным веществом.

– Почему именно отравления?

– По симптомам агонии, Владимир Алексеевич. Мы, полицейские медики, в отличие от вас, литераторов, ничего не придумываем, а основываемся на строго медицинских фактах. Естественно, я первым делом взял образцы тканей желудка, его содержимого и печени и проверил их на аппарате Марша – довольно простая химическая реакция с добавлением серной кислоты, при которой выделяется водород. Проходя по стеклянной трубке, он выпадает черными пятнышками. Так вот, мышьяка я не обнаружил. О чем это говорит?

– О чем? – спросил я.

– Отравление мышьяком – явление распространенное. Я бы сказал, мышьяк – это лучший друг самоубийц, ревнивцев и наследников. Если травят мышьяком, можно смело квали-

фицировать убийство как бытовое или связанное с наследством. Но тут другой случай. Судя по всему, наш дорогой гость был отравлен с помощью растительного алкалоида. – Зиновьев откинул простыню и обнажил тело цвета старой слоновой кости со вздутым животом, разрезанное и сшитое грубо прямо посредине. – Трупные пятна обильные, синюшно-красные, цианоз слизистых оболочек. При вскрытии – венное полнокровие внутренних органов и... Ну, не важно! Произойди это лет пятьдесят назад, я бы стоял тут и смотрел на тело как баран на новые ворота. Потому что способов определить наличие яда в организме просто не было!

– Но теперь-то они есть! – спросил я.

– Есть, слава богу, – кивнул Зиновьев. – Есть!

Он достал баночку с мутной жидкостью из кармана халата.

– Тут главное – действовать быстро, пока алкалоид не испарился. Видите ли, растительные алкалоиды, которые разные умные люди выделяют, соответственно, из растений, являются органическими веществами. И они растворяются в воде. В отличие от тканей человеческого тела. Мы, дорогой Владимир Алексеевич, не растворимы ни в воде, ни в спирте, и это очень хорошо, иначе многие из нас уже давным-давно бы растворились. – Он хохотнул и поболтал жидкостью в баночке. – Так что я взял ткани желудка, хорошенько размельчил их и смешал со спиртом, в который добавил синильную кислоту. Подкисленный спирт соединился с остатками алка-

лоида и стек при фильтровании. Так я проделал несколько раз, пока не получил жидкость, свободную от частиц желудка.

– Ну, – сказал я, указав на баночку, – она не выглядит чистой.

Зиновьев уставился на нее, а потом спрятал в карман.

– Это остатки первоначальной взвеси, – сообщил он, – отложены про запас, если потребуется контрольный анализ.

Из другого кармана он достал небольшую пробирку, заткнутую хорошо притертой пробкой:

– Вот. Пойдем обратно в кабинет.

Он накинул простыню на лицо покойника и повел меня к себе. Там, усевшись за стол, Павел Семенович подтянул к себе микроскоп, достал из упаковки лабораторное стекло и пипеткой перенес на него каплю из пробирки. Поместив стекло под трубу микроскопа, он зажег настольную лампу.

– Идите сюда, Владимир Алексеевич, взгляните!

Я подошел и уставился одним глазом в окуляр микроскопа.

– Что вы видите?

– Ничего.

– Подкрутите колесико настройки, может, у вас зрение не очень?

– Пока не жалуясь, – проворчал я, но колесико покрутил. Правда, ни к чему новому это не привело, о чем я и сообщил доктору Зиновьеву.

– А теперь смотрите! – театральным голосом провозгласил доктор. – Я уже провел необходимые опыты с разнообразными реактивами. И сейчас просто капну нужный.

Он взял с края стола небольшой темного стекла пузырек, открыл его, вооружился новой, стерильной пипеткой и капнул на лабораторное стекло.

– Это концентрированная азотная кислота. Смотрите теперь!

Я опять приложился к окуляру.

– Покраснело!

Жидкость под микроскопом действительно стала красной, с переходами в оранжевый цвет.

– Вуаля! – кивнул Зиновьев. – Что и требовалось доказать. Теперь берем таблицы цветовых реакций... Ну. Мы их не будем брать, потому что я это уже проделал. И смотрим, кто дает реакцию покраснения при воздействии азотной кислотой?

– Кто?

– Морфин!

– Морфин... – задумался я. – Доктор, а может, покойный был простым морфинистом? И ваша реакция подтвердила только наличие морфия, который он мог принимать из-за зависимости?

– Нет, мой друг, – покачал головой доктор. – Судя по реакции, у него в организме не менее восьмушки золотника морфина, или полграмма, а это – смертельная доза. Прибавьте к

этому то, что я рассказывал вам про трупные пятна и венозное полнокровие в сочетании с другими факторами, и – никаких сомнений – острое отравление морфином. Даже если он был морфинистом, то умер не от своей обычной дозы, а от смертельного количества этой отравы.

– Вот как?

– Предлагаю все же продолжить обсуждение за чаем. Вы не против? – спросил доктор.

Чаю мне уже совсем не хотелось – особенно после демонстрации отфильтрованной жидкости, но отказывать было неудобно, и я кивнул. Доктор подошел к двери и закричал:

– Люба! Люба!

Сначала я не понял, кого он зовет, но потом вдруг осознал, что служитель небольшого роста – женщина.

– А где же ваш помощник Байсаров? – спросил я. – Помните, он был парнем здоровым, а теперь вместо него?..

– А теперь вот! – с улыбкой произнес Зиновьев, отходя от двери.

В кабинет вошла Люба. Она сняла шапочку и маску, и я увидел милое девичье лицо с маленьким свежим ртом и большими серыми глазами. И волосы цвета льна, собранные в тугую прическу. Все впечатление от юной девушки портило только суровое выражение ее лица.

– Звали, Павел Семенович?

– Вот, Люба, познакомься. Это наша знаменитость московская, журналист и писатель Владимир Алексеевич Гиля-

ровский. Очень интересуется мертвыми телами, правда, в основном мужского пола!

Конечно, я давно привык к шуточкам доктора Зиновьева, но эта была какая-то совсем уж скабрзная. Впрочем, Павел Семенович, почувствовав мое напряжение, ничуть не сбился и продолжил:

– ...Но исключительно в художественном смысле. А это, Владимир Алексеевич, Люба Байсарова – родная сестра моего помощника, который, увы, отпочковался от нас и уехал в Саранск на место тамошнего заместителя главного патологоанатома. Люба у нас еще учится. В том числе и делать чай своему руководителю, и, смею сказать, она не только привлекательней своего старшего брата, но и намного способней. Не так ли, мадемуазель?

Во время всей этой тирады ни один мускул на лице девушки не дрогнул. Она молча смотрела то на доктора, то на меня своими серыми, широко поставленными глазами, слегка наклонив головку. В наступившей паузе я почувствовал желание что-то сказать ей, как-то расположить к себе, но, кажется, сделал это неудачно.

– Не могу представить себе, Люба, что такая очаровательная, хрупкая девушка возится с мертвецами.

Девушка взглянула на меня холодно и пожала плечами.

– Ну, хорошо, – потер ладони Зиновьев. – Закончим с формальной частью. Люба, подайте нам с Владимиром Алексеевичем чаю, пожалуйста.

– Я еще не подготовила для вас того, с Мясницкой, – ответила она.

– Это которого раздавило телегой?

– Да.

– Ничего, потом. Он не убежит.

Люба кивнула и вышла.

Зиновьев повернулся ко мне:

– Ломовик! Грузенный булыжником для мостовой! А тут пьяный – прямо под колеса. Сами знаете, ломовики колеса железной полосой подбивают для крепости – так что бедолагу разрезало на две части. А поскольку он оказался беспаспортным, да еще и по описанию походил на одного каторжника, то привезли к нам. Для проформы, конечно.

Доктор усадил меня на диван, а сам сел за свой стол и снова сдвинул микроскоп на самый край. Несколько минут мы провели время за болтовней, пока не пришла Люба и не принесла поднос со стаканами чая. Со своего места я увидел ее в другом ракурсе и отметил, что без фартука, пусть и в мешковатом халате, Люба смотрится очень недурно. Вероятно, почувствовав мой взгляд, она резко выпрямилась и ушла.

– Доктор, – сказал я, все еще провожая взглядом девушку. – Вернемся к нашему купцу. Еще раз спрошу: вы уверены, что этот морфин – не результат пристрастия к наркотикку? Это важно!

– Уверен, – ответил Зиновьев, прихлебывая обжигающий чай из своего тонкого стакана. – Мало того, судя по интен-

сивности цветовой реакции, это морфин высшей очистки, какой можно получить только лабораторным путем. А значит, наш отравитель либо имеет доступ к химической лаборатории, либо сам – профессиональный химик.

– Вот как! – задумчиво сказал я. – Химик...

Увы, среди моих знакомых не было ни одного ученого-химика.

– Необязательно, – отозвался доктор Зиновьев. – Алкалоиды применяют и в аптекарском деле при изготовлении многих лекарств. Но только берут их в малых дозах. Кроме того, не забудьте ботаников... Да, черт возьми! Любая старуха-травница может при большом опыте выделить достаточное для отравления количество алкалоида! Сходила на маковое поле, набрала мешок семенных коробочек – и колдуй!

– Колдунья! – пробормотал я.

– Или колдун, – кивнул доктор. – Такой хитрый, бородастый... – Он погладил себя по черной кудлатой бороде и подмигнул.

Я погрозил ему пальцем.

Попрощавшись, я оделся и пошел по коридору, заглядывая во все открытые двери, но Любы так и не увидел.

Глава 3

Убийство из ревности

После морга я заехал домой и со своего телефона, положившую стоимость контракта которого оплачивала мне редакция, позвонил в Сыскное отделение, в кабинет сыщика Захара Борисовича Архипова, моего старого знакомого. Но ответа так и не дождался, поэтому пришлось звонить на коммутатор Сыскного и спрашивать, где я могу найти Архипова. Сотрудник коммутатора после долгих отнекиваний все же связался с кем-то из оперативников и наконец сообщил, что господин Архипов выехал на место преступления. Мне пришлось назвать себя, для того чтобы получить адрес – Большая Ордынка. Снова надеваю пальто, папаху на голову и – на улицу, где ждет мой верный Иван Водовоз. Едем на Большую Ордынку, там, в недавно построенном доходном доме купца Чеснокова, у дверей дежурит городской. Я показываю ему свой корреспондентский билет и поднимаюсь на третий этаж по большой мраморной лестнице.

Дверь нужной мне квартиры была приоткрыта, и на лестничной клетке были едва слышны голоса следственной группы. Я тихо вошел и сразу увидел Архипова. Он сидел в прихожей на стуле и что-то записывал в блокнот.

– Здравствуйте, Захар Борисович, – сказал я.

Архипов взглянул на меня и поморщился – он не любил, когда я вдруг переходил ему дорогу. Такое случилось уже пару раз, хотя для расследований, которые вел Архипов, мое вмешательство было благотворным, и он сам не отрицал этого.

– Вот уж не ожидал вас здесь увидеть, – сказал Архипов, вставая и закрывая блокнот. – Или вас разжаловали в криминальные репортеры?

– Пока нет, вашими молитвами, – ответил я, пожимая протянутую мне сухую узкую кисть руки. – А что здесь случилось?

– Дело совершенно простое. Убийство на почве ревности. Не пойму, с какой стати оно вас заинтересовало? Поверьте, здесь нет ничего, что могло бы дать пищу либеральному литератору – никаких народных страданий, никакого угнетения, ничего! История самая обыкновенная: муж поссорился с женой и в сердцах наговорил глупостей. Она, не разобрав, схватила кухонный нож и зарезала супруга. Сейчас сидит в спальне, рыдает и клянет себя. И ведь правильно клянет, потому как муж ее ни в чем не виновен, а уж тем более в том, чем хвастал.

– Чем же он хвастал? – спросил я.

– Будто взял в любовницы певицу из русского хора в ресторане «Яр». Некая... – он заглянул в свой блокнот, – Глафира Козорезова. Не слышали?

– Нет, – пожал я плечами. – Хороша?

– Ну, раз из-за нее уже убивают, наверное, хороша, – серьезно ответил Архипов.

– И что, действительно она стала его любовницей? – спросил я.

– Нет. Выдумал он все. Мы уже проверили – весь вечер сидел допоздна с друзьями в трактире по соседству и пил.

– Я здесь совсем по другому делу, Захар Борисович. Звонил вам в Малый Гнездниковский, но не застал. Так что пришлось сюда. Интересует меня отравление в Купеческом клубе, по которому вы допрашивали повара из трактира Тестова.

– А, это, – ответил Архипов. – Но повара пришлось отпустить, потому что доказать его вину мы пока что не можем. Но преступление и правда интересное. Знаете, чем отравили этого купца?

– Морфином, – ответил я.

– Откуда это вам известно? – заинтересовался Архипов.

Я подумал, что доктору Зиновьеву попадет, если я расскажу кому-то о его откровенных разговорах со мной, и просто многозначительно пожал плечами, будто информацию о морфине мне нашептали некие ангелы небесные.

– Так-так-так. – Сыщик пристально посмотрел мне в глаза. – Хорошенькое дело! Вы узнаете важные подробности чуть ли не раньше меня! Впрочем, погодите-ка!

Он вдруг схватил меня за кисть руки и поднес ее к своему лицу, как будто хотел поцеловать. Я отдернул руку, но было

поздно.

– Понятно! – кивнул Архипов. – Вы только что из морга! Этот запах так просто не выветривается! Я же помню, что Павел Семенович Зиновьев – ваш старый приятель! Так вот кто ваш информатор!

– И вовсе он не мой информатор! – сердито сказал я, прикидывая, сильно ли попадет теперь доктору. – Далеко не весь мир устроен по полицейским правилам, Захар Борисович, есть еще и чисто человеческие отношения.

– Только не во время расследования, – отрезал Архипов и собрался мне что-то сказать еще, но тут в гостиной раздались крики, шум и кто-то позвал сыщика.

Архипов рванул через гостиную. Я, не снимая папахи, как был в пальто и галошах, – за ним. Оглянулся только, чтобы взглянуть на кожаный диван, на котором лежало тело, прикрытое снятой с окна гардиной.

– Сюда! – закричали из открытой двери слева.

В спальне, оклеенной бежевыми обоями с крупными золотыми цветами, поблекшими от времени, на расстеленной кровати лежала полная женщина лет тридцати в коричневом домашнем платье. Кровь из раны на горле заливала ее серую шею и белоснежную накрахмаленную подушку. Правая рука, так же вся в крови, свесилась вниз, и на полосатом прикроватном коврикe блестел осколок стекла, которым она, видимо, и перерезала себе горло.

Кроме нас в спальне был еще усатый дородный городской

без шинели, который и позвал Архипова, а также дворник, вероятно приглашенный в качестве понятого.

– Ну что застыли? – рывкнул на них Захар Борисович, потом наставил указательный палец на служивого: – Ты! Рви простыню!

Он повернулся ко мне:

– Надо остановить кровь и закрыть рану.

Архипов схватил кончик моего шарфа и, быстро помяв его пальцами, отпустил.

– Не то.

– Галстук! – подсказал я.

Сыщик быстро сорвал с себя галстук и склонился над женщиной.

– Подержите ей голову.

Я обогнул сыщика, оттеснил любопытствующего дворника и просунул руку под затылок несчастной.

– Аккуратно! – скомандовал Архипов.

Я поднял голову повыше, и сыщик быстро обмотал шею. Серый галстук тут же набух кровью.

– Артерия, – сказал я.

– Вижу, – кивнул сыщик. – Плохо. Не спасем.

Женщина вдруг открыла глаза. Взгляд ее был пуст и сер. Она с трудом подняла пухлую вялую руку и поднесла ее к шее.

– Не двигайтесь, – сказал ей Архипов, пытаясь промокнуть кровь уголком кружевной салфетки, которую хозяйки

обычно днем кладут на подушки.

Я повернулся к дворнику:

– Врач поблизости есть? Срочно зови! Или беги в часть, вызывай карету «Скорой помощи»!

В этот момент женщина вдруг вцепилась рукой в галстук и попыталась его сорвать. Я перехватил ее руку и прижал к кровати. В горле самоубийцы забулькало, побелевшие губы шевельнулись, но женщина тут же захрипела и, закатив глаза до белков, закашляла кровью.

– Это агония, – пробормотал Архипов, удерживая бесполезный галстук на ране. Потом он отпустил руки и устало повернулся ко мне.

Дворник привел доктора, когда все уже кончилось. Мы с Архиповым мыли руки в ванной комнате и слушали объяснения городского.

– Воды попросила! Я пошел, принес. Она же тихая такая лежала.

– Так, – сухо прервал его Архипов, подворачивая окровавленные манжеты.

– Выпила и говорит, открой, мол, форточку, душно...

– Дальше.

– Пошел открывать, значит. Слышу – звон. Я повернулся – а она уже себя режет. Ну, я и закричал «караул».

– Здравствуйте, господа, – кивнул доктор – высокий человек с усталым лицом и темными кругами под глазами. –

Как я понимаю, уже слишком поздно?

Архипов кивнул.

– Мне... можно взглянуть? – спросил доктор. – Понадобится мое заключение?

– Прошу вас, – ответил Захар Борисович и снова повернулся к городовому: – А что ж ты сам кровь не остановил, балда? Или вас этому не учат?

– Растерялся, – развел руками тот.

Я пошел в спальню. Доктор с усталым лицом пытался нащупать пульс. Покачав головой, он расстегнул пальто и достал из кармана пиджака стетоскоп. Приставил его к неподвижной груди, выбрав место, где не было крови.

– Знали ее? – спросил я.

– Едва. Обычная семья. Имен не помню. Был тут только раз, с консультацией по поводу бесплодия мужа.

– Понятно.

В дверном проеме показался Архипов.

– Гиляровский, – позвал он.

Я вышел в гостиную и снова посмотрел на тело, укрытое на диване гардиной.

– С утра крошки во рту не было, – сказал устало сыщик. – Пойдете со мной? Перекусим поблизости.

– Пойду.

Мы спустились по лестнице. Внизу уже стояла группка жильцов, обсуждавших происшествие. Архипов ускорил шаг, мы быстро прошли мимо жильцов и оказались на улице.

Было всего четыре или полпятого, но уже начало темнеть. Городовой у входной двери вытянулся во фронт. Архипов махнул ему рукой, поднял воротник и натянул перчатки.

Мы прошли недалеко, свернули за угол и спустились на несколько ступеней вниз. Архипов толкнул тяжелую дверь, и на меня пахнуло табачным дымом, кислым запахом и крепким пивным духом. Мы попали в небольшую комнату с водочным буфетом, за стойкой которого виднелся вход в трактир. Сыщик дальше не пошел, а встал у буфета и заказал себе водки.

– Я выпью, – сообщил он мне. – Будете?

– Да.

Мне действительно захотелось выпить после того, что произошло. Буфетчик, рыжий мужичонка с неровно подстриженной бородой, поставил передо мной рюмку и налил из бутылки с казенной белой этикеткой. Мы молча выпили и закусили из стоявших тут же глубоких тарелок с квашеной капустой, солеными огурцами и мочеными яблоками. Закуски выставлялись бесплатно.

Архипов кивнул в сторону трактирного зала:

– Тут он и сидел.

– Кто?

– Ее муж.

– Пойдем туда? – спросил я.

– Хотите?

Я пожал плечами. Что мне там смотреть? Трактир как

трактир. Тем более что меня интересовало совсем другое.

– Не очень.

– Тогда постоим здесь. Не против? – сказал Архипов.

– Нет.

Мы заказали еще по одной рюмке. После нее тело наконец расслабилось и напряжение немного отступило.

– Захар Борисович, – сказал я. – Вы сейчас можете отвлечься и поговорить про то дело в Купеческом клубе?

Сыщик вздохнул и, кивнув, заказал третью рюмку. Я же отказался от предложения буфетчика налить снова.

– Повар сказал что-то интересное? – спросил я.

Архипов пожал плечами:

– Ну, сейчас пока рано делать выводы. На первый взгляд он совершенно ни при чем. Но так бывает: первоначальные данные – как кусочки мозаики, их еще надо сложить. Не знаю, может, все его показания – в корзину. А может, там есть действительно что-то важное. Мы же только в начале расследования, надо набрать материала, сопоставить, проанализировать, нарисовать схемы. Как правило, работа чисто механическая, конечно.

– Он был знаком с жертвой?

– Знаком? О да! И это не странно – Тестов часто присылает в Купеческий клуб своих поваров, вы знаете? – сказал Архипов.

– Ну...

– Там же культ еды! А значит, все повара известны. Их

обсуждают, вызывают к столу, говорят с ними. Конечно, он был знаком. Не близко, но так...

– Никаких ссор или обид у повара с этим купцом не было?

– Нет.

– Мог он накапать морфин на рыбу?

– Почему на рыбу? – удивился Архипов.

– Но ведь последнее, что ел Столяров, была рыба? – сказал я.

– Ну и что? Нет, отравы была в настойке, которую Столяров пил. Знаете, такая – на грецких орехах с медом.

– Да.

– Ну, в общем, в ней, – сказал Архипов, расстегивая пальто. Он указал на лавку вдоль стены: – Сядем?

Мы сели на лавку.

– Вы ведь опросили официантов? Может, они могли видеть, как морфин попал в настойку?

– В тот графин? – уточнил Архипов. – Конечно. Как только приехали, опросили всех – и официантов, и тех, кто присутствовал из посетителей. И потом еще раз всех официантов. Никто ничего не заметил – графин с настойкой стоял на столе с напитками – туда мог подойти кто угодно.

– Понятно, – пробормотал я разочарованно.

– Странно это, – сказал Архипов, прислоняясь затылком к стене. – Вы знаете, Гиляровский, что яд, как правило, оружие женщины?

– Да, где-то читал об этом.

– Ну, положим, это слишком общо. Женщины травят мужей, травят соперниц, травят родителей, сами себя. Но, как правило, выбор ядов у них невелик. Крысиный яд, сера со спичек, кислота... Господи, что они только не используют! И в основном из-за собственной глупости. Прочитают в романе, как героиня от несчастной любви отравилась мышьяком... В романе подробности опускают, поскольку авторы либо их и не знают, либо не хотят шокировать читателей описанием агонии. Вы когда-нибудь видели, Гиляровский, как человек умирает от отравления мышьяком?

– Нет, слава богу, – ответил я. – Хотя и повидал за свою жизнь немало смертей. Я ведь на Ходынке был во время раздачи сувениров, когда Николай Александрович приезжал в Москву после коронации. Там увидел, как люди в давке десятками, сотнями гибнут. Страшно!

– Знаю, читал вашу корреспонденцию, – ответил Архипов. – И там не сотни, а тысячи были, ну да дело прошлое. В общем, от мышьяка смерть нехорошая, долгая и мучительная. А уж от остальных чисто женских способов... Да и черт с ними. Главное, что – морфин. Это вовсе не женский яд.

Я вспомнил то, что доктор Зиновьев говорил мне про высокую очистку морфина, извлеченного из желудка купца Столярова.

– А не было ли среди присутствующих ученых-химиков? Или аптекарей?

Архипов оторвал затылок от стены и грозно на меня по-

смотрел:

– Владимир Алексеевич! Владимир Алексеевич! Это что такое?

– Или травников... – уже тихо закончил я.

– Кого?!

– Колдунов... – пробормотал я.

– Вы это кончайте! – потребовал Архипов. – Я же вижу, куда вы клоните! Хотите снова влезть в мое расследование?

Я честно кивнул.

– Зачем? – удивился такой прямоте сыщик.

– Готовлю материал для газеты.

– О господи! – простонал Захар Борисович. – Час от часу не легче. Я еще понимаю – раньше, когда вы совершенно непрофессионально пытались расследовать преступления, чтобы помочь своим друзьям! Вы хотя бы делали это по их просьбе, обещая ничего не писать. И это примиряло меня с вашими неуклюжими попытками. А теперь вы заявляете, Владимир Алексеевич, что будете писать в газету!

– Буду, – твердо сказал я. – Уже договорился с издателем. И зря вы, Захар Борисович, про неуклюжие попытки-то! Забыли про дело в цирке Саламонского?

– Нет, не забыл, – улыбнулся Архипов. – Ладно, вас все равно теперь уже не остановить. Тогда договоримся, как прежде: я помогаю вам, а вы – мне. Но когда дело дойдет до ареста, вы, Владимир Алексеевич, уступаете место мне. Я про цирк Саламонского помню. Но и вы вспомните про

историю с Ламановой. Если бы не моя помощь, лежать вам сейчас на Новодевичьем!

Я кивнул, соглашаясь.

– И про меня даже не упоминать! – добавил сыщик.

– Ваш коллега Ветошников потребовал бы как раз наоборот, – заметил я.

– Не упоминать. Договорились? А еще лучше, если вы перед отправкой своего материала покажете его мне. Просто для ознакомления. Вдруг там будут...

– Что? – спросил я.

– Ошибки.

– Ну уж нет, Захар Борисович, – возмутился я. – Достаточно и обычной цензуры. Если бы я все свои материалы показывал еще и полиции, то сейчас бы вообще сидел без копейки.

– Ладно, черт с вами, Гиляровский. Но об остальном-то мы договорились?

– Хорошо. Так скажите мне, был ли кто в тот вечер в клубе, кто мог иметь отношение к растительным ядам?

Архипов поморщился:

– Вот вы какой, Владимир Алексеевич, на все соглашаетесь, лишь бы своего добиться.

Я возмутился:

– Не на все! И вы прекрасно это знаете.

– Был. Был один субъект. Павел Иванович Горн. Аптекарь.

– И вы его допросили? – спросил я.

– Допросил. Говорит, со Столяровым хорошо знаком, но не травил его. Я даже обыскать приказал – вдруг у него в кармане пустой флакончик из-под яда завалялся. Нет, ничего не нашли. Кстати, именно Горн первым и высказал идею об отравлении алкалоидом.

– Да? – заинтересовался я.

– По симптомам. Он же специалист. Аптека Горна на Ильинке – не слыхали? Известна своей гомеопатией.

– Хорошенькое совпадение, – сказал я.

– Конечно, очень подозрительно, хотя, может быть, и действительно просто совпадение, – ответил Архипов и встал. – Такое случается, не надо доверять слишком очевидным версиям. Что же, пора возвращаться, составлять новый акт. Вы со мной?

– Нет. Завтра утром съезжу на Ильинку, посмотрю на этого аптекаря. Если вдруг узнаю что-то интересное – расскажу вам. Но и вы со мной делитесь иногда. Договорились, Захар Борисович?

Сыщик кивнул, расплатился с бужетчиком, и мы вышли на темную улицу.

– Знаете, Гиляровский, – сказал Архипов. – Я тут на досуге поразмышлял, вспомнил наши с вами дела...

– И что?

– Мне очень не нравится, что вы начали собственное расследование.

– Почему же? – спросил я.

– Каждый раз, как вы оказываетесь рядом, люди начинаютдохнуть как мухи. Я уже понял, если вы вмешиваетесь в мое дело, то трупов будет не менее пяти штук.

– Ерунда, – засмеялся я. – Вы выдумываете.

– Посмотрим, – отозвался Архипов, – посмотрим.

Сыщик ошибался. В конце концов трупов оказалось больше.

Глава 4

Аптека Горна

На следующее утро (хотя утро ничем не отличалось от предыдущего вечера, было таким же холодным и темным) я поехал на Ильинку, в аптеку Горна. Иван высадил меня прямо у дверей, и я, толкнув тяжелую застекленную дверь с непременно колокольчиком, вошел в помещение. Аптека господина Горна представляла собой небольшое помещение, в котором сильно пахло высушенными травами, к аромату которых примешивался аромат духов, как будто аптекарь специально надушивал по утрам помещение для привлечения клиентов. Небольшая почти черная полированная стойка занимала правый задний угол, а вся стена за ней представляла собой сплошные полки, разбитые на секции, в них стояли разнообразные склянки с бежевыми этикетками, на которых прекрасным каллиграфическим почерком были выведены названия. Вероятно, здесь хранились ингредиенты для порошков и мазей. Ближе к двери, справа, стояли два элегантных кресла и низкий журнальный столик между ними с веером модных изданий на столешнице. В стеклянных горках помещались флаконы духов. Судя по всему, клиентами этой аптеки были преимущественно дамы из хороших семей – причем две из них как раз собирались уходить и что-

то обсуждали с продавцом или приказчиком, держа в руках пакеты из тонкой почти шелковой бумаги с вензелем аптеки. Продавец бросил быстрый взгляд в мою сторону и кивнул, давая понять, что сейчас займется мной.

– Вот-с, прошу вас, – сказал молодой человек, обращаясь к дамам. – Это и есть знаменитые «Пульверизаторы Горна». Обратите внимание – крохотный флакон с каучуковой грушкой легко помещается даже в ридикюль. Вам даже не надо заходить в дамскую комнату, чтобы освежить свой аромат. Одно движение – и капелька ваших духов превращается в благоухающее облачко, покрывая не только открытые участки кожи, но и ваши перчатки, веер и, смею сказать-с, декольте.

Он ловко нажал на миниатюрную грушу, и дамы издали мелодичный взглас. Запахло свежим жасмином.

Я снял папаху, расстегнул бушлат и сел в кресло у журнального столика. От нечего делать я достал отцовскую табакерку и, вдохнув понюшку табака, чихнул в платок. Продавец от неожиданности подпрыгнул на месте и чуть не выронил какой-то флакон. Разговор дам прервался – обе враз повернулись ко мне и состроили непроницаемые осуждающие гримасы.

– Простите, – сказал я, вытирая нос.

Дамы вернулись к разговору, но очень скоро распрощались с продавцом и прошли мимо меня, высоко задрвав подбородки. Что же, меня совершенно не тронула эта демон-

страция, потому что обеим было далеко за тридцать, и этот срок они пережили не без потерь. Как только за ними закрылась дверь, продавец, одернув коротенький пиджак, повернулся ко мне:

– Добрый день! Чем могу служить?

Похоже, что Горн специально подобрал для работы такого смазливового парня, с голубыми глазами и тщательно зализанными назад волосами. На вид ему было не больше двадцати двух – двадцати пяти лет. Он был чисто выбрит. Но пестрый галстук придавал ему легкомысленный вид. Любимец дам, определил я, такого будет легко напугать. Я вальяжно бросил папаху на столик.

– Мне нужно увидеться с господином Горном. Он сейчас здесь?

Продавец задумался, оглядывая меня. Вероятно, он прикидывал – стоит ли со мной иметь дело или позвать дворника, чтобы тот вытолкал меня вшаей. Хотя я сразу понял – он не решится грубить человеку, который почти вдвое больше его самого.

– Простите, по какому вопросу? – наконец спросил он вежливо, но холодно, как бы намекая, что идея позвать дворника им не отброшена бесповоротно.

– По важному, – коротко ответил я.

– Я не уверен, что господин Горн здесь, – продолжил продавец.

– Так пойдите и узнайте.

– Не могу-с. Простите, мне строго запрещено покидать залу, если в ней есть посетители.

– Думаете, украду? – спросил я насмешливо.

– Нет-с. Чтобы не проявить неуважения к покупателю.

Вдруг что-нибудь спросите, а меня нет. Нехорошо-с.

– Так что мне делать? Мне нужен Горн. Я приехал с ним поговорить и не уйду, пока не повидаюсь.

Продавец развел руками.

– Послушайте, – сказал я, начиная терять терпение. – Неужели у вас нет никакой возможности подать сигнал, что его присутствие требуется здесь, в аптеке?

– Его присутствие? – переспросил продавец. – Но зачем ему присутствовать, если я здесь?

– Ну, например, если к нему пришли из полиции, чтобы допросить по делу об отравлении в Купеческом клубе, – предположил я.

Мои слова вызвали в продавце перемену. Он страшно побледнел и сделал несколько шагов назад, чуть не наткнувшись спиной на шкаф со стеклянными дверями.

– Так вы из полиции?

Я решил не раскрывать карты сразу.

– Не слишком ли много вопросов вы задаете?.. Кстати, как вас зовут? Какого вы года рождения и где родились? – спросил я самым строгим голосом, доставая из внутреннего кармана пиджака блокнот.

– Одну минуту! Одну минуту! – пробормотал продавец. –

Я позову хозяина!

Не спуская с меня глаз, он зашел за стойку и нажал невидимую кнопку электрического звонка. Поскольку Горн не мог прямо вот так соткаться из воздуха, между нами повисла пауза, в течение которой глаза у молодого человека совершали хаотичные движения, вероятно обозначающие лихорадочный мыслительный процесс. Наконец усилием воли он принял более-менее спокойный вид.

– Не угодно ли чашку чая? – спросил он. – Есть прекрасные травяные чаи... Успокаивающие, к примеру.

– А я спокоен.

– Да-да, конечно, – пролепетал продавец, но при этом достал заварочный чайник из-под прилавка.

– Что там, настойка стрихнина? – спросил я строго.

Продавец испуганно вскинул на меня глаза и чуть не выронил чайник.

– Ромашка, – просипел он.

– Ромашка?

– Да-с...

Я промолчал, не зная, как продолжить разговор, но тут отворилась дверь в правом углу аптеки, и к нам вышел высокий человек с гривой седых волос, в темно-сером пиджаке и брюках в тонкую полоску. Пальцы он заложил в жилетные карманы и повернулся к продавцу:

– Мишель, что случилось?

Парень указал на меня носиком чайника, который продол-

жал держать в руках:

– Полиция.

– Полиция? – Человек повернул ко мне голову. Его бледное лицо было почти квадратным, с оттопыренной нижней губой – но не «габсбургской», а скорее брезгливой.

– Так вы из полиции? – спросил он. – С какой стати? Я ведь дал показания и даже подвергся обыску! Что вам еще надо?

– Полиция? – переспросил я. – С какой стати?

– Но?.. – Аптекарь повернулся к своему помощнику.

– Они сами так сказали-с...

– Ерунда, – ответил я, вставая. – Моя фамилия Гиляровский. Я руковожу московским отделом газеты «Россия».

– Гиляровский? – Горн вдруг сморщился. – Кажется, я слышал вашу фамилию. И что же вам нужно?

– Отравление купца Стоярова.

Горн нервно сглотнул. Его нижняя оттопыренная губа дрогнула.

– То есть... Я уже дал показания полиции.

– Мне надо уточнить детали, – ответил я. – Я пишу большой материал по этому убийству.

– Вы упомянете мою аптеку в превосходных красках? – быстро спросил Горн.

– Безусловно, – согласился я.

Понятно, Горна соблазнила возможность бесплатной рекламы в такой газете, как «Россия». Так что он сел в кресло

и приказал своему человеку:

– Мишель, табличку «Перерыв» и чаю нам.

Продавец метнулся к выходу и повесил на дверь табличку, а потом спросил:

– Которого чаю подать?

– Цейлонского с мятой. Покрепче мне. Гостю – обычно.

В лаборатории в третьем шкафу банка синего цвета.

– У вас тут и лаборатория? – спросил я, когда Мишель исчез.

– Так... – ответил Горн, слегка поддергивая брюки.

Он вдруг вздохнул:

– Спрашивайте, Владимир...

Я присмотрелся к нему внимательнее. Вблизи стало заметно, что бледность его имеет косметическую природу – лицо аптекаря покрывал тонкий слой пудры. Но даже сквозь этот слой была видна глубокая рябь, покрывавшая щеки. Сначала я подумал, что он скрывал последствия оспы, но потом вспомнил, что оспины намного глубже. Быстро опустив глаза, я достал из жилетного кармана визитную карточку и передал ее аптекарю.

– Владимир Алексеевич... Минуту.

Он так же передал мне свою карточку.

– Вот и знакомы. Так что вас интересует?

– Скажите, вы знали покойного раньше?

– Петра Ильича? Столярова? Я знаю... в смысле, знал его давно. Лет пятнадцать или даже двадцать. В основном по

клубу. Еще с тех времен, когда это был действительно – купеческий клуб. И туда еще не было хода всякой шушере... Простите, вы сами посещаете?

– Изредка, – сказал я.

– Да, так вот. Знал. Видите ли, эта аптека досталась мне от отца. А ему – от деда. Он приехал из Шотландии почти сразу после воцарения Николая Павловича. Хотел открыть дело в Петербурге, но был напуган Декабрьским восстанием – представляете, только что сошел с корабля и тут же попал под пушечные залпы, когда разгоняли бунтующую толпу. В чужой стране, совершенно потерянный, с небольшим багажом, он сразу уехал в Москву.

– Да-да, – кивнул я. – Но вернемся к купцу Столярову.

– Ах, Петр Ильич! Не сказать, чтобы мы были с ним очень близки... знаете, клубные знакомства! Скорее – знакомы. Он – коннозаводчик. Я – больше ученый, чем просто владелец аптеки. Так, беседовали иногда на разные темы... Я порой консультировал его по ядовитым растениям, которые могли попасться лошадям на пастбищах. Рассказывал про способы лечения от таких отравлений. Вот и все.

– А как он умер? – спросил я, делая пометки в блокноте.

Горн посмотрел на свои пальцы, которые вдруг мелко задрожали. Он тут же сцепил их в замок и сторбился, будто прикидывая – как бы половчей рассказать, но тут вернулся Мишель и поставил перед нами массивный серебряный поднос с чайником и двумя полными чашками. Он выпрямился

и устремил на меня напряженный взгляд.

– Иди... э-э-э... позанимайся чем-нибудь, только ничего не трогай, оставь нас, – приказал Горн и, когда малый ушел, продолжил: – Это интересно, знаете. Интересно, конечно, не совсем уместное слово, потому что любая смерть – ужасна, а здесь, – он обвел взглядом стеклянные горки с духами, – мы трудимся на благо жизни и здоровья наших клиенток... э-э-э... и клиентов, без сомнения, но с точки зрения прикладной науки смерть Столярова была именно что интересной. Видите ли, его отравили...

– Морфином, – кивнул я.

Горн удивленно посмотрел на меня:

– Знаете?

– Да.

Он уважительно покивал головой:

– Его отравили морфином. Я понял это сразу. Сначала судороги, рвота – но коротко. Резкая сонливость – фактически наркоз. Потом – кома. И – паралич дыхательного центра. Как только он свалился со стула, я бросился к нему. И меня поразило – конечности будто ледяные! Лоб холодный! Бледность – он был одного цвета со скатертью! Я не мог нащупать пульс. Открыл веки – зрачок ушел в точку!

– Неужели ничего нельзя было сделать? – спросил я.

Аптекарь немного помолчал, а потом ответил:

– Как минимум – промывание желудка. Хотя и это вряд ли... Морфин быстро впитывается.

– Скажите, а тяжело достать в Москве чистый морфин?

– Безусловно, это непросто. В растворе – да. Для инъекций.

– Можно как-то извлечь чистый морфин из раствора?

Аптекарь откинулся на спинку стула и посмотрел на меня.

– Нет. Это невозможно.

Я вспомнил, как доктор Зиновьев, говоря про морфин, особо отмечал, что он растворяется в воде и поэтому приходится собирать образцы человеческих органов.

– Да, конечно, – кивнул я, – извините. Можете продолжать.

Аптекарь прищурился и посмотрел на меня скептически:

– Что вам известно о растительных ядах?

– Немного, – соврал я. – Почти ничего.

Горн потрогал чуть дрожащими кончиками пальцев свою чашку, вероятно проверяя, насколько остыл чай.

– Вот, прекрасный цейлонский чай с мятой, – сказал он. – Вам нравится чай, господин Гиляровский?

– Предпочитаю что покрепче, но не откажусь и от хорошего чая, – ответил я.

Аптекарь кивнул:

– Знаете ли вы, что чайные листья содержат алкалоид теин? В малых дозах – а мы пьем его именно в малых дозах – он тонизирует организм, проясняет мысли, укрепляет тело. Но если я возьму достаточное количество чайных листьев и выделю из него крохотную каплю чистого теина и помещу

его в вашу чашку, то вы после нескольких глотков умрете в мучениях?

Я поставил свою чашку обратно на блюдце.

– Правда?

– Да. – Горн потянулся к носу, вероятно, чтобы почесать переносицу, но в последний момент отдернул руку. Вероятно опасаясь стереть пудру.

– Но если вы отравились морфином, то правильно будет выпить очень крепкого чаю – как можно больше. Теин вступает в реакцию с морфином и... кстати, не только с ним. Получаются дубильные соли, которые плохо всасываются желудочно-кишечным трактом. Удивительно – да? Каждый по отдельности является ядом, но, соединенные вместе, они становятся не так опасны. Это, кстати, касается не только алкалоидов. Вы знаете, что малина разлагает цианистый калий?

– Нет.

– Если вас будут травить цианистым калием, ешьте малину. Но продолжим. Вы курите?

– Нет, но я нюхаю табак.

– А! – криво улыбнулся Горн. – И уж наверняка знаете о том, что в листьях табака содержится алкалоид никотин.

– Но пока никто от табака не умер! – возразил я.

– Ошибаетесь, – покачал головой Горн. – Известно несколько случаев смертельных отравлений никотином. Умышленных отравлений!

Я нащупал в кармане отцовскую табакерку.

– Так и жить не захочется! Но если эти алкалоиды так ядовиты – почему растения спокойно могут жить, пропитанные ими? Почему они не гибнут?

– Все дело в концентрации, – ответил аптекарь. – Пейте чай, а то совсем остынет!

– После ваших слов что-то совсем не хочется чаю, – пробормотал я. Но чтобы не показать, будто испугался, я взял чашку и осушил ее одним глотком.

– Ну как? – усмехнулся Горн. – Живы?

– Жив.

Сам он к чаю так и не притронулся, вероятно, пальцы его все еще сильно дрожали.

– Все дело в концентрации. Алкалоиды – удивительные органические вещества, – продолжил он, вновь отдергивая руку от лица, которое, наверное, начинало зудеть под пудрой. – Я бы сказал, они заменяют растению нервную систему. Рост, цветение, увядание – все это контролируется изменением концентрации алкалоида в растении.

Я задумался.

– То есть когда ромашка зацветает, это значит, что в ней скопилось много алкалоида?

– Грубо говоря – да. – Горн предупредительно кивнул. – Только не спрашивайте меня, как ромашка узнает, когда ей цвести. Она сама этого не знает, конечно, просто солнечный свет в результате фотосинтеза активизирует процессы выделения определенных веществ, в том числе и алкалоидов.

– В ромашке? – спросил я подозрительно. – Ромашка ядовита?

– Не так, как ландыш, – кивнул Горн. – Но все растения и ядовиты, и целебны одновременно. Я уже сказал, все зависит от концентрации. Еще чаю?

– Хватит, – ответил я. – И все-таки, вы можете сказать, много ли людей в Москве способны выделить чистый морфин?

Горн пожал плечами.

– Аптекари? – спросил я.

Горн холодно посмотрел на меня:

– Это намек?

– Это вопрос.

– Нет, конечно. Аптекарское дело относится не только к медицине, но и к торговле. Вы думаете, я или кто-то из моих коллег будем рисковать коммерцией ради продажи яда отравителям? – Он поставил свою чашку. – Простите, господин Гиляровский, но как раз из-за коммерции мне придется снова открыть аптеку. Вы позволите?..

– Да, конечно. – Я встал, ожидая, что Горн начнет прощаться, но он медлил, не вставая с кресла.

– Так странно, – сказал он наконец.

– Что? – спросил я.

– Да нет, ерунда.

– Павел Иванович. – Я снова сел, показывая, что не уйду, пока не узнаю решительно все. – Любая мелочь может ока-

заться важной. Что вы сейчас вспомнили?

– Правда, это ерунда и не имеет никакого отношения к произошедшему.

– Павел Иванович!

Горн поморщился:

– Лет десять назад мы в клубе разыграли одну шутку. Правда, вполне невинную. Столяров в ней тоже участвовал.

– Что за шутка?

– Как вам объяснить... дуэль. Но – необычная. В классическом стиле.

– На шпагах? – спросил я.

– Нет! Четыре человека и перед каждым – чаша с вином.

Но только в одной из этих чаш – яд.

– Настоящий? – удивился я.

– Нет, – поморщился Горн. – На самом деле там не было никакого яда. Обыкновенное слабительное. Так что проигравшему ничего не грозило. Ну... это наша «Чаша Сократа». Только у Сократа в чаше была цикута, а у нас – слабый раствор рициновой кислоты с сахаром. Господи, это была просто касторка, только чуть в другой форме!

– Из-за чего была дуэль? – спросил я.

Горн беспомощно пожал плечами:

– Представьте себе, не помню! Помню только, что в ней участвовал покойный Столяров, Матвей Петрович Патрикеев, Егор Чепурнин и я. А вот почему вся эта канитель завершилась – я уже не помню.

– Но кто проиграл, вы помните?

– Проиграл... Столяров! Точно Столяров! – Горн внезапно замолчал. – Как странно... Прошло столько лет, и он отравлен по-настоящему.

– Вот именно, – кивнул я. Прежде чем уйти, я попросил аптекаря повторить все имена участников той давней дуэли, занес их в свой блокнот и наконец, распрощался.

Чаю Павел Иванович так и не выпил.

Глава 5

Спившийся певец

Было время обеда, и я поехал в Купеческий клуб, чтобы переговорить с тем, кто мог бы мне дать характеристики по списку участников дуэли. Экипажей у подъезда стояло немного, что неудивительно – в будни члены клуба предпочитали обедать в традиционных для деловых кругов ресторанах – в «Славянском базаре», у того же Тестова, в «Эрмитаже» и прочих заведениях. Я отдал в гардероб пальто и папаху и попросил вызвать звонком метрдотеля. Когда тот явился, я спросил у него, где можно найти эконома клуба, Веретенникова. Метрдотель предложил мне обождать в библиотеке и пообещал привести Илью Сергеевича, если тот не занят каким-нибудь неотложным делом. Я прошел в библиотеку – просторную комнату с двумя огромными окнами и книжными шкафами вдоль стен, сел на кожаный диван справа и стал просматривать брошенные на журнальный столик сегодняшние газеты. Прошло не более пяти минут, как Веретенников быстро вошел в библиотеку и направился ко мне.

– Господин Гиляровский, если не ошибаюсь?

– Точно так, – ответил я, откладывая газеты и тяжело поднимаясь с мягкого дивана.

Мы пожали друг другу руки.

– Что-то случилось? – Веретенников схватил один из стульев и, поставив его напротив дивана, сел сам и пригласил меня: – Садитесь-садитесь!

– Вы торопитесь? – спросил я, усаживаясь обратно.

– Увы, – ответил Веретенников. – Не могу этого отрицать.

– И все же, ответьте мне на несколько вопросов, Илья Сергеевич. Вот вы сразу назвали меня по фамилии. И что же – вы знаете по именам всех членов клуба?

Илья Сергеевич смутился. Пока он думал над ответом, я получше его рассмотрел. Его знаменитого предшественника Николая Агафоныча я помнил хорошо – он был таким же неотъемлемым элементом клуба, как огромная хрустальная люстра на сто свечей в главной зале (впрочем, вместо свечей там уже давно были вмонтированы электрические лампы) или картина Айвазовского «Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями», висевшая в карточном зале. И когда Николай Агафоныч умер, клубу долго не могли подобрать нового эконома, потому что специально созданная из старейших членов комиссия отвергала все кандидатуры, пока не остановилась на Илье Сергеевиче Веретенникове, служившем управляющим у самого Лентовского – заведующим ресторанами знаменитого «Эрмитажа», от которого ныне остались одни руины да зарастающие илом пруды. Новому эконому было чуть больше пятидесяти, он носил короткую эспаньолку и красиво зачесывал назад свои темные волосы, едва тронутые сединой. Высокий и сухощавый, оде-

вался он всегда безукоризненно и казался скорее потомком кардинала Ришелье, чем вятским учителем – именно с этой должности начиналась его карьера тридцать лет назад.

– Вынужден, к своему стыду, признаться, что я не помню всех членов клуба. Впрочем, это и невозможно, Владимир Алексеевич, ведь теперь их почти две тысячи, и мы уже ведем переговоры о покупке нового, более просторного здания.

– На Малой Дмитровке? – уточнил я.

Веретенников кивнул.

– Хорошо. Тогда позвольте, я назову вам несколько фамилий, а вы скажете – знакомы они вам или нет.

Илья Сергеевич задумчиво посмотрел на меня:

– Можете вы мне сказать, с какой целью интересуетесь? Видите ли, если это между нами, то я, конечно, расскажу все, что знаю. Но если вы собираете информацию для печати...

– Именно что для печати, – подтвердил я. – И дело касается отравления господина Столярова.

– Но расследование поручено полиции, – возразил эконом.

– Поручено, – согласился я. – И полиции известно, что я, так сказать, иду параллельным курсом. Уверен, не сегодня, так завтра напротив вас будет сидеть сотрудник Сыскного отдела и задавать точно такие же вопросы, которые интересуют сейчас меня.

– Понятно, – кивнул Илья Сергеевич. – Спрашивайте.

Я вынул из внутреннего кармана блокнот и открыл его на нужной странице.

– Патрикеев.

– Матвей Петрович, – не задумываясь, ответил Веретенников. – Спичечные фабрики в Липецке и Туле. Еще, кажется, солеварни где-то на Севере. И мебель в Ярославле. Терпеть не может французскую кухню, ест только русское, пост не соблюдает. Пьет в основном немецкие вина и водку.

– Чепурнин.

– Егор Львович. Ткацкие и бумагопрядильные фабрики в Иваново-Вознесенске. Интересная история – он из крепостных фабрикантов, которые выкупились в тридцатые годы прошлого века. Обожает турецкий кофе в песке, причем страшной крепости и в малых дозах. Сигары предпочитает кубинские. И в этом он совершенно прав.

– Горн.

Веретенников задумался.

– Горн... Горн...

– Аптекарь, – подсказал я ему.

– Ах! Павел Иванович, кажется... Увы, я время от времени его вижу в клубе, но ничем особенным мне он не известен.

– Он чем-то болен? – спросил я прямо.

– Болен? – удивился Веретенников и потом пробормотал: – Болен... Почему вы спрашиваете?

– Мне показалось, у него что-то с лицом. Он пользуется

косметикой. И руки дрожат.

– Ну... – протянул эконоом. – У многих дрожат руки. А косметика... Я думаю, если господин Горн чем-то и болен, то способен сам себя вылечить. Насколько я помню, он го-меопат.

– Хорошо, – пробормотал я, записывая в блокнот сказанное экономом. – Часто вы их видели вместе с покойным Столяровым?

Эконоом пожал плечами:

– Так чтобы... Нет, не могу сказать. И Столяров, и Патрикеев с Чепурниным – старые члены клуба, живут в Москве уже не один десяток лет. Конечно, они должны быть хорошо знакомы друг с другом, но вот так... простите, тут я вам не помогу.

– Ладно, – кивнул я. – Часто они тут бывают?

– Частенько. Не каждый день, но бывают.

– Играют?

– Патрикеев играет. Столяров играл... Чепурнин – нет, я не видел, чтобы он подсаживался к столу.

В клубе играли в карты – даже в запрещенные игры, но полиция закрывала на это глаза, тем более что клуб получал за счет этой игры немалый доход в виде штрафов тех, кто не переставал метать карты после десяти вечера, когда игра официально заканчивалась. И чем дольше игроки сидели за столом, тем выше были штрафы. Впрочем, купцы, ставившие сотни и тысячи рублей, платили такие штрафы не гля-

дя, засиживаясь иногда до утра. Впрочем, подобной системы штрафов придерживались все знаменитые клубы Москвы. Зато в Купеческом клубе состоял на жалованье специальный «надзиратель» – вышедший в отставку околоточный Еремеев, задачей которого было не допускать в залы, где шла игра, всевозможных шулеров, для которых члены клуба были как бы законной добычей. Еремеев, еще во время своей полицейской службы, «набил глаз» на шулеров и их повадки. И ценился Советом клуба очень высоко.

– Последний вопрос, Илья Сергеевич, вы когда-нибудь слышали про дуэль с «Чашей Сократа»?

– Нет. А что это такое?

– Так, ерунда, – ответил я, захлопывая блокнот.

– А хотите знать мое мнение насчет этого отравления? – вдруг спросил Веретенников.

– Конечно, хочу!

– Шерше ля фам, – ответил эконом.

– В каком смысле?

– Завтра вечером приходите к девяти. Увидите и Патрикеева, и Чепурнина. Был бы жив Столяров – и он бы пришел. Вот вы спрашивали про игру – думаю, вы не там ищете. У них действительно была общая страсть, но это – не страсть к игре, а я бы сказал – страсть к музыке.

– К музыке? – удивился я.

– Именно к музыке, – тонко улыбнулся эконом и вдруг стал совершенно похож на Ришелье с портрета работы Шам-

пеня.

Пообедать я решил тут же, так сказать, не отходя от рабочего места. Прошел в столовую, где давеча имел разговор с ресторатором Тестовым, сел у окна и подозвал официанта:

– Чем сегодня у вас кормят?

Тот дернулся было принести карточку меню, но я махнул рукой:

– Ты мне так скажи, я же не читать пришел, а поесть.

– На первое польский борщ на копченой грудинке с ушками-с. Или селяночка сборная рыба на раковом масле, – начал он перечислять.

– Селянку, – постановил я, и официант, черкнув в блокноте, продолжил:

– Если не торопитесь, то на второе могу подать духового цыпленка с белыми грибами-с.

Я скептически поморщился.

– Что ты мне заливаешь тут, голубчик? Духового цыпленка томить надо полтора часа. Небось с утра остался, так вы его просто разогреть хотите.

Белобрысый, поняв свою оплошность, предложил другое блюдо:

– Тогда зайчика в сметане? Со вчерашнего вечера купался в маринаде. К обеду тушить поставили, как раз свежее будет, только из печки. Подадим с салатом из синей капусты.

– Хорошо, – кивнул я, – давай зайца.

Белобрысый сделал отметку и склонился ко мне:

– Закусочки перед первым не желаете-с? Огурчиков соленых, малосольных, маринованных? Помидорчиков зеленых или красных? Подам с водочкой.

– И того, и другого, и водочки.

– И десерт закажете?

– А что есть?

– Самбук из яблок.

– Антоновка? – спросил я.

– Точно так-с.

– А еще?

– Винное желе в апельсиновых корках.

– Нет, – отрезал я. – Этого не надо. А сырники есть?

– Книжками-с, – кивнул официант. – Со сметанкой и корицей.

– Вот и хорошо, – сказал я. – Тащи по готовности, уж больно есть хочется.

Через час, в лучшем расположении не только духа, но и тела, подбодренный двумя рюмками смородиновой настойки, я был готов возвращаться домой, чтобы Маша могла продолжить свой курс моего похудения.

Мое благодушное настроение продержалось ровно пять минут под ноябрьским дождем. Но, слава богу, идти было недалеко. Дома я переоделся в домашние брюки, накинул свой любимый татарский халат и завалился на диван в каби-

нете под предлогом сильной усталости. И не заметил, как задремал. Однако толком поспать мне не дали – Маша разбудила меня, сообщив, что приехал Лёня Андреев, судебный репортер из «Курьера». Зевая, я вышел в гостиную и увидел этого молодого красавца с короткой бородкой и мягкими каштановыми волосами – он сидел за столом, перед ним стояла чашка чаю.

– Владимир Алексеевич! – вскочил он. – Простите ради бога, что вот так, без предупреждения, но – спешу! Надо в номер материал сдать. Говорят, вы были свидетелем самоубийства на Ордынке.

– Был.

Андреев состроил умиленную гримасу:

– Владимир Алексеевич! Вам же эта история ни к чему! Не будете же вы писать о ней корреспонденцию в «Россию»?

– Не буду, признаюсь. Мелковато.

– Отдайте мне! Я был сейчас у Архипова – он рассказал, как вы вдвоем пытались удержать эту несчастную самоубийцу!

– Не такая уж она и несчастная, – сказал я сердито. Впрочем, сердился я скорее на Машу и Андреева, которые не дали мне выспаться, а вовсе не на несчастную женщину. – Она, между прочим, своего мужа зарезала.

– Расскажите детали, – взмолился Андреев, доставая большую тетрадь в клеенчатой обложке, заложенную карандашом.

Я вспомнил, как Андреев невольно мне помог в деле с модельером Рейнаром, направив в дом, где был убит первый из «сестер». Сев напротив и поплотнее запахнув халат, я подробно описал и место трагедии, и внешность женщины, и даже трактир, в котором ее муж выпивал накануне своей смерти. И где потом мы разговаривали с сыщиком Архиповым.

– Вы не помните, как звали ту певицу, из-за которой заварилась вся каша?

– Мнимую любовницу мужа? – спросил я.

– Да.

Я невольно почесал затылок.

– Имя не помню. А фамилия какая-то смешная, казацкая.

В этот момент моя жена начала накрывать на стол.

– Глаша Козорезова? – спросил Лёня, как мне показалось, с некоторым удивлением.

– Похоже.

– Ну и ну!

– Знаете ее?

Андреев печально махнул рукой:

– И не спрашивайте. Появилась она недавно, но сделала фурор. Она... Она необычайная певица. И очень привлекательная женщина. Бриллиант, ценность которого очевидна. О Козорезовой много говорят, но никто не знает, есть ли у нее содержатель. И это только придает ей таинственности и привлекательности. Ведь как наша публика привыкла? Толь-

ко появляется на сцене очередная красotka, как тут же находится какой-нибудь фрукт, миллионер, промышленник, заводчик или просто богатей, который заваливает ее цветами и подарками, возит по ресторанам, предьявляет друзьям и знакомым. А в данном случае... Ведь ничто так не привлекает, как красота недоступная, не правда ли, Владимир Алексеевич?

Я покосился на Машу.

– Поужинаете с нами, Ленечка? – спросила она, не обращая внимания на раскрасневшегося Андреева. – Правда, разносолов у нас нет, мы постимся.

– Так разве сейчас пост? – удивился Андреев.

– Гиляй решил немного сбросить вес, – улыбнулась ему Маша.

– Гиляй решил! – проворчал я. – Не слушай ее. Это она сама решила уморить меня голодом.

Андреев скептически осмотрел выставленную на стол тертую морковь (без сметаны и сахара!), вареную куриную грудку с отвратительными зелеными шариками брюссельской капусты и два кусочка подсохшего хлеба.

– Боюсь, что объем Владимира Алексеевича, – сказал он осторожно.

– Да что вы! – ответила коварная змея в виде моей супруги. – Это я вам положила. Ему порции полагаются в два раза меньше!

Но Андреев, рассыпавшись в тысяче извинений, по-ра-

чьи задом выполз в прихожую и быстро оделся, заявляя, что только что плотно поужинал и теперь торопится в редакцию.

– Ну, что же, повезло тебе, Гиляй, – иезуитски произнесла Маша. – Не пропадать же добру. Уж потешь себя, ешь все. Но завтра – разгрузочный день. Хорошо? А то уже второй день на диете, но только, как мне кажется, без толку.

– Что ты, Маша, – как можно искреннее сказал я, – намного лучше себя чувствую. В голове – легкость, в конечностях – зуд. И еще, кажется, у меня растут новые зубы вместо выпавших. Очень чешутся – все время хочется что-то жевать.

– Дать бы тебе ложкой по лбу, как в лучших деревенских домах, – сказала Маша, – да ложки жалко, погнется.

– И долго ты меня мучить будешь? – спросил я жену.

– Пока сама не устану, – ответила она.

– И как? Ты еще не устала?

– Нет, – отрезала Маша. – Давай ешь! Или я подумаю, что ты где-то на стороне обедаешь!

Пришлось есть брюссельскую капусту. И даже воспоминания о прекрасной селянке и нежном зайчике в сметане не смогли перебить ее ужасного вкуса.

Покончив с брюссельской экзекуцией, я снова ушел в кабинет, думая, что же это за певица – Глаша Козорезова, что из-за нее гибнут семьи, а судебный репортер Ленечка Андреев печально машет рукой и философствует. Потом я встал перед книжным шкафом и вынул тот том Брокгауза и Ефро-

на, в котором была статья о Сократе. Сев в кресло, я начал читать: «Несмотря на то, что Сократ является лицом вполне типичным и, по-видимому, точно охарактеризованным, воззрения на него, его жизнь и учение отличаются большим разнообразием»... Ну, подумал я, типичным-то его назвать трудно – видал я голову Сократа из гипса в лавках у Китайгородской стены.

Я заскользил пальцем по тексту статьи, потом с досадой встал и нашел очки на рабочем столе. С трудом прорвавшись через сочинения Анкагсагора, оказавшие на Сократа огромное влияние в юности, я наконец нашел упоминание о цикуте как причине смерти Сократа. Так что закрыв том энциклопедии, я понял только то, что знаменитый философ был человеком не самым приятным и, вполне возможно, заслуживал, чтобы его отравили.

Ночью мне приснился лысый и бородатый Сократ, как две капли воды похожий на судебного доктора Зиновьева. Он протягивал мне чашу и подмигивал.

«Чайку не желаете, Владимир Алексеевич? – говорил Сократ голосом аптекаря Горна. – Попробуйте определить на вкус, что я туда подмешал!»

Я отталкивал чашу слабыми руками, но Сократ-Зиновьев неумолимо придвигал ее к моему рту.

«Впрочем, раз про цикуту вы ничего так и не прочли, значит, и вкуса ее определить не сможете!»

Проснулся я в холодном поту и с каким-то маниакальным

желанием немедленно найти хоть какую-то книжку про проклятую цикуту! Чтобы знать, как спастись от отравления. Поэтому, проигнорировав завтрак, я выскочил на улицу, кутая шею в вязаный теплый шарф, обрадовался, увидев, что Водовоз уже дежурит возле дома, и велел ему везти меня к Китайгородской стене, где издавна стояли книжные лавки. Одна из них – ближе всего к бывшей Шиповской крепости – принадлежала Миронову-внуку, уже третьему владельцу, дед которого, как мне иногда представлялось, завел книготорговлю еще во времена Ивана Грозного. Когда я спросил у нынешнего владельца лавки, так ли это, старик согласно кивнул и прибавил, что именно его дед и продал как-то знаменитую библиотеку Грозного какому-то барышнику из Поволжья за десять рублей серебром, отчего ее и не могут никак сыскать. На мой вопрос – а зачем барышнику такое количество старых книг, Миронов-внук пожал плечами и ответил:

– А зачем простому человеку хорошая литература?

– Для просвещения? – спросил я.

– Для гигиены, – мрачно ответил этот книжный червь и смахнул метелкой пыль с позолоченных корешков собрания из чьей-то частной коллекции.

Я спросил у него книг по ядовитым растениям, и хозяин лавки принес мне том «Травника» И. П. Ноговицына, изданный в Петербурге в середине прошлого века. Книга стоила недорого – всего два рубля, я купил ее и поехал в Зарядье,

в трактир «Ночка», где с вечера собирались шулера, поболтать о делах да выпить, а потом разъехаться по своим «мельницам». С утра в «Ночке» было пустынно и вполне прилично кормили. Сев у окна, я заказал пива, жареной телятины с картошкой и колбасок. Потом достал книгу и положил перед собой на стол, застеленный белой скатертью, – в Москве даже заведения самого дешевого пошиба обязательно стелили на стол скатерти – есть на незастеленном столе считалось неприличным. Пусть даже скатерть не сияла белизной и не шуршала от избытка крахмала, пусть через нее можно было рассмотреть столешницу – но трактиров без скатертей в Москве сыскать было невозможно.

Оказалось, что книгу мою, несмотря на ее почтенный возраст, еще ни разу не открывали – листы были даже не разрезаны. Я вытащил из кармана маленький перочинный ножик и первым делом нашел оглавление. Отыскав номер страницы, на которой начинался рассказ о цикуте, я разрезал необходимые страницы.

Странно, цикута всегда казалась мне растением древнегреческим, растущим где-нибудь возле Афин или, на худой конец, Сиракуз. Однако выяснилось, что я много раз встречал это античное растение на наших русских болотах и по берегам рек. И у нас оно называлось просто – вех ядовитый.

Далее автор с излишним, на мой взгляд, восторгом описывал необыкновенное свойство цикуты сохранять ядовитость при варке и сушке. Он утверждал, что по вкусу корень ци-

куты напоминает брюкву или редьку, причем сладковатую на вкус, и обладает еще и приятным морковным запахом! Я даже вернулся в начало книги и посмотрел – сколько авторов? Если бы их было двое, тогда понятно – один пробовал, а второй записывал слова умирающего. Но – нет, автором был указан один только Ноговицын. Тогда я решил, что, вероятно, авторов было много, а книга вышла под именем только последнего, оставшегося в живых – ему все равно уже не надо было делиться гонораром с остальными!

И, конечно, у цикуты нашелся свой алкалоид, названный соответственно просто и ясно – цикутотоксин. Причем автор добавил, что изучен он мало! Тут же упоминались эксперименты еще и над животными, во время которых этот цикутотоксин в малых дозах угнетал центральную нервную систему, понижая двигательную активность и кровяное давление.

Подняв глаза от книги, я увидел, что все заказанные мной блюда уже стоят на столе, а половой в чистой белой рубашке, подпоясанный ремешком, стоит передо мной с запотевшей бутылкой пива и ждет сигнала открывать.

– Давай, – кивнул я.

Половой одним движением открыл бутылку, и пиво, булькая и вздымая пенную шапку, полилось в кружку. Вдруг за спиной у меня кто-то сказал хриплым голосом:

– Позвольте остаточек допить.

Я быстро взглянул на полового, ожидая, что он сейчас погонит побродяжку прочь, чтобы тот не приставал к чи-

стым посетителям. Но на мое удивление, на лице полового не дрогнул ни один мускул. Тогда я сам повернулся, чтобы рассмотреть, кто это просит. Сзади меня стоял удивительный тип – худой, бледный, с длинным лицом, на котором лихо-радочно горели почти черные глаза. Щеки просившего были как будто покрыты серым налетом – признак последней степени пьянства. Подбородок был выбрит, но очень небрежно. Волосы его, седые и стриженные давно, тем не менее были аккуратно причесаны щеткой набок. Одет он был в серые, залатанные штаны и темный пиджак с вытертыми обшлагами и лоснящимися локтями.

– Ну, допей, – сделал я знак половому, чтобы он не ждал, пока пена осядет, а отдал остатки в бутылке этому попрошайке.

Тот принял бутылку с удивительным достоинством, приложился к ней и вдруг, резко отвернувшись, закашлялся. Кашлял он долго, прикрывая рот бутылкой. Мне показалось, что пиво «пошло не в то горло», попало в легкие, и я даже привстал, чтобы похлопать его по спине, но человек резко отодвинулся и замотал головой, выставив ладонь. В этот момент я и узнал его по характерному жесту, виденному мной частенько в таких вот трактирах, а в первую очередь на Смоленском рынке.

– Вы – Фомичев? – спросил я. – Певец Фомичев?

Продолжая кашлять, он кивнул.

– Что с вами? – спросил я.

Фомичев снова помотал головой. Наконец, выпрямившись, вытер рукавом рот.

– Уже давно не певец, – сказал он. – Теперь вот... Прозябаю, извините.

Я указал на стул напротив себя:

– Садитесь, разрешите мне вас угостить.

Фомичев кивнул и сел, поставив бутылку перед собой.

– Еще пива и телятины, – приказал я половому.

Тот дернулся было исполнить заказ, но Фомичев схватил его за рукав.

– Разрешите водки, – сказал он, глядя на меня. – Вчера перебрал. Пиво не помогает. И телятину не надо – жевать нечем. Ухи принеси.

– Хорошо, принеси графин водки и тарелку ухи, – сказал я половому, и только тогда Фомичев отпустил рукав. Как мне показалось, половой постарался незаметно обтереть рукав о бок и только после этого удалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.